

<https://doi.org/10.18778/0208-6034.23.1.03>

Юрий А. Виноградов

О ПОГРЕБЕНИИ ВОИНА У КАРАНТИННОГО ШОССЕ ПОД КЕРЧЬЮ

В 1834 г. во время археологических раскопок в районе дороги, ведущей в Новый карантин под Керчью, А. Б. Ашиком был открыт весьма любопытный памятник. Под курганной насыпью находилась гробница, сложенная из каменных плит, которая содержала две урны с трупосожжениями (большую и маленькую), железный шлем с серебряными украшениями, бронзовый щит, железный однолезвийный меч и пр., в специальном углублении в полу был положен набор серебряной посуды¹. По находке монеты Лисимаха первые публикаторы памятника датировали его временем боспорского царя Перисада I² или чуть более поздним временем – 306 г. до н.э.³ Подобной хронологической атрибуции погребения был близок и М. И. Ростовцев⁴.

Основное погребение гробницы исследователи сразу признали воинским. Правда, по тексту *Древностей Боспора Киммерийского* складывается впечатление, что воинским считалось трупоположение, от которого не осталось решительно никаких следов, а две урны рассматривались как захоронения праха жены или дочери воина и его слуги⁵. Г. И. Спасский более логично писал, что судя по маленькой серьге, детскому перстню и ожерелью, можно предполагать, что вместе с прахом воина был погребен прах его дочери⁶. Вероятно, к последнему надо относить и бронзовое зеркало с крышкой, украшенной рельефным

¹ Рис. 1; Г. Спасский, *Боспор Киммерийский с его древностями и достопамятностями*, Москва 1846, с. 132–134; *Древности Боспора Киммерийского*, Санкт Петербург 1854, с. 62, 146 сл.; 190 сл.; М. И. Ростовцев, *Скифия и Боспор*, Ленинград 1925, с. 205–206; Ю. А. Виноградов, *О погребении воина у Карантинного шоссе (1834 г.)* [в:] *Проблемы истории Крыма*, Тез. докл. конф. I, Симферополь 1991.

² *Древности Боспора...*, с. 62.

³ Г. Спасский, *Боспор Киммерийский...*, с. 133.

⁴ М. И. Ростовцев, *Скифия и Боспор*, с. 205.

⁵ *Древности Боспора...*, с. 62.

⁶ Г. Спасский, *Боспор Киммерийский...*, с. 133.

изображением группы с Ариадной и Дионисом⁷. Г. И. Спасский даже рискнул высказать догадку, что находка монеты царя Фракии Лисимаха позволяет считать, что „погребенный воин или другая особа был фракиец”⁸.

Последнее предположение в настоящее время, очевидно, может показаться несколько наивным, однако многие другие наблюдения ученых XIX в. заслуживают серьезного внимания. Прежде всего, это вывод о воинской принадлежности основного погребения, на что указывают перечисленные выше интереснейшие находки предметов вооружения.

Железный меч длиной 0,7 м (рис. 1, 2) относится к типу однолезвийных греческих мечей, за которыми закрепилось название махайры. Махайры, как принято считать, появились в Древней Греции в конце VI или начале V в. до н.э.⁹ и существовали весьма продолжительное время – вплоть до эпохи эллинизма. Н. И. Соколовский полагал, что широкому распространению махайры на Боспоре способствовало присутствие в войсках фракийских наемников¹⁰. Последнее предположение, возможно, не беспочвенно, но говорить о широком распространении махайры на Боспоре все-таки вряд ли возможно, поскольку до сих пор находка 1834 г. остается самой показательной в этом отношении.

Знаменитый железный шлем с небольшим гребнем и подвижными нащечниками (рис. 1, 3) имел серебряные украшения в виде головы Афины над лбом, масок Медузы по бокам и не вполне ясных изображений на нащечниках, М. И. Ростовцев видел здесь скифов¹¹, что весьма сомнительно, Б. З. Рабинович – фигуры Сциллы с факелами¹², а В. Д. Блаватский – изображения Сциллы или местной змееной богини¹³. Имеющиеся аналогии позволяют говорить о широкой

⁷ А. Ашик, *Воспорское царство*, Т. III, Одесса 1849, с. 11; З. А. Билимович, *Греческие бронзовые зеркала из эрмитажного собрания*, „Труды Государственного Эрмитажа” 1976, вып. 42, с. 52–53, 64, 66.

⁸ Г. Спасский, *Боспор Киммерийский...*, с. 134.

⁹ А. Е. Remouchamps, *Griechische Dolch- und Schwertformen. Beitrag zur Chronologie der europäischen Bronzezeit*, „Oudheidkundige Mededeelingen” 1926, Н. 7, с. 60; P. Connolly, *Greece and Rome at war*, London 1980, с. 63.

¹⁰ Н. И. Соколовский, *Боспорские мечи*, „Материалы и исследования по археологии СССР” 1954, № 33, с. 136.

¹¹ М. И. Ростовцев, *Скифия и Боспор*, с. 205.

¹² Б. З. Рабинович, *Шлемы скифского периода*, „Труды Отдела первобытной культуры Гос. Эрмитажа” 1941, Т. I, с. 153.

¹³ В. Д. Блаватский, *Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья*, Москва 1954, с. 84.

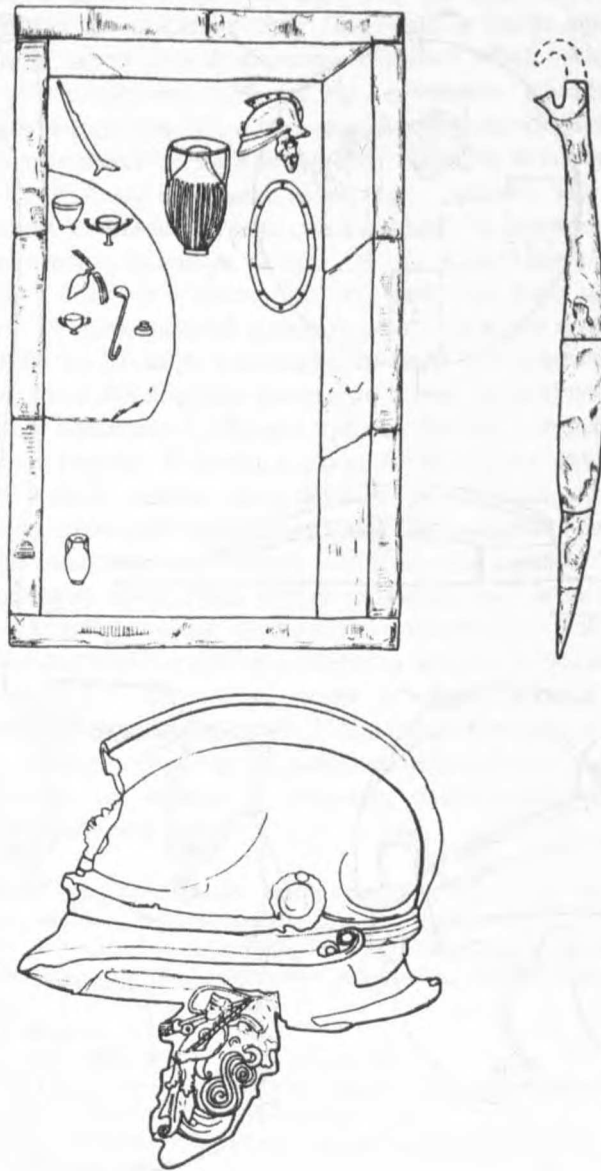

Рис. 1. Погребение у Карантинного шоссе под Керчью

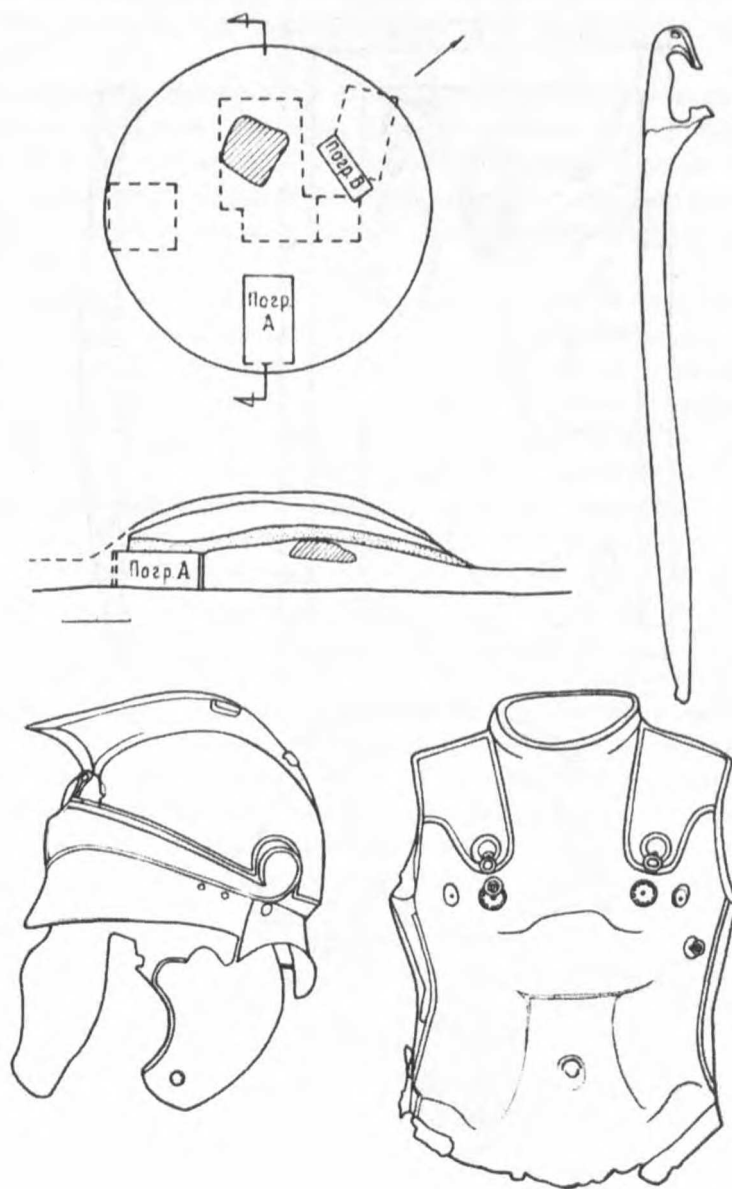

Рис. 2. Погребение у д. Продроми (Эпир)

популярности шлемов этого типа в раннеэллинистическое время¹⁴. Очевидно, были достаточно популярны и шлемы, изготовленные из железа, поскольку по свидетельству Плутарха в битве при Гавгамелах железный шлем надел сам Александр Великий (Plut., Alex. 32).

Вниманием ученых, на мой взгляд, обойдена находка овального бронзового щита (см. рис. 1), а она чрезвычайно любопытна. Во время обнаружения щит имел очень плохую сохранность и вскоре полностью рассыпался. Однако из описания и рисунка следует, что он имел вид выпуклого овала с обивкой гвоздями по краю. С внутренней стороны были зафиксированы кожаные петли¹⁵. В. Д. Блаватский рассчитал его размеры (0.51 × 0.27 м) и заключил, что они отвечают величине щита всадника¹⁶. Н. И. Сокольский рассматривал данную находку в плане распространения на Боспоре кельтских щитов типа тюрееос, но указывал также и на то, что боспорские овальные щиты, вероятно, развивались под фракийским влиянием¹⁷. Первое предположение, по всей видимости, более предпочтительно. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что некоторые кельтские щиты, если судить по весьма показательному изображению на этрусской краснофигурной вазе, имели обивку гвоздями по краю очень похожую на обивку керченского щита¹⁸.

В. П. Толстиков предложил схему развития щитов кельтского типа на Боспоре на протяжении нескольких веков. По ней находка из гробницы у Карантинного шоссе относится к весьма позднему времени – концу I в. до н.э. – III в. н.э., когда их облик заметно упростился, потеряв некоторые важные детали¹⁹. Классические тюрееосы, как хорошо известно, имели более крупные размеры (приблизительно 1.25 × 0.6 м), были изготовлены из дерева и, наконец, имели вертикальное ребро и выступ в центральной части²⁰.

¹⁴ См. Б. З. Рабинович, *Шлемы скифского...*, 152 сл.; В. Н. Пилипко, *Голова в шлеме из Старой Нисы*, „Вестник древней истории” 1989, № 3; P. Connolly, *Greece and Rome...*, с. 81, № 4; G. Waurick, *Helme der hellenistischen Zeit und ihre Vorläufer*, [в:] *Antike Helme: Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikemuseums Berlin*, Mainz 1988, с. 169–173.

¹⁵ *Древности Боспора...*, с. 148 е.

¹⁶ В. Д. Блаватский, *Очерки военного...*, с. 84.

¹⁷ Н. И. Сокольский, *О боспорских щитах*, „Краткие сообщения Института истории материальной культуры” 1955, вып. 58, с. 23.

¹⁸ J. D. Beazley, *Etruscan Vase-painting*, Oxford 1947, с. 49, pl. VI 5; E. Paul, *Antike Keramik*, Leipzig 1982, Taf. 101.

¹⁹ В. П. Толстиков, *Надгробие воина из Ахтанизовского лимана*, „Вестник древней истории” 1976, № 1, с. 89, рис. 3.

²⁰ W. Kimmig, *Ein Keltenschild aus „Ägypten”*, „Germania” 1940, Bd. XXIV, H. 2, 24.2; P. Connolly, *Greece and Rome...*, с. 118–119; M. Eichberg, *Scutum. Die Entwicklung einer italisch-etruskischen Schildform von den Anfängen bis zur Zeit Caesars*, „Europäische Hochschulschriften” 1987, Reihe XXXVIII, Bd. XIV, с. 43.

Отличие рассматриваемой находки от классического типа щитов, возможно, следует объяснять несколькими обстоятельствами. Так, в отношении его внешнего облика необходимо помнить, что щит был обнаружен в очень плохом состоянии, так что какие-то детали устройства (к примеру, выступ в центре) были уже полностью разрушены, а возможность их реконструкции при уровне археологических знаний того времени, конечно, в высшей степени сомнительна. Что касается материала изготовления, то и здесь необходимо подчеркнуть, что хотя щиты из дерева в кельтском мире безусловно доминировали, но все-таки известны и бронзовые их экземпляры. Сравнительно недавно такой щит был найден в Четси (Британия); размеры его значительно уступают деревянным – 83.6 × 46.8 см²¹. Поскольку щит имел одну ручку, то предполагается, что для удобства переноски с задней стороны к нему крепились специальные ремни²². Кожаные петли, как отмечалось, были замечены на керченской находке. Радиоуглеродная дата, полученная на основании исследования деревянной ручки щита из Четси, позволяет относить его к 400–250 гг. до н.э. Как считает И. М. Стед, этот щит был предназначен исключительно для церемониальных или культовых целей²³. Вероятно, не будет слишком смелым предположение, что и керченская находка использовалась подобным образом, во всяком случае, связь ее с кельтским миром представляется очень вероятной.

Странным образом этот щит выпал из круга зрения исследователей, немало потрудившихся при изучении древностей Северного Причерноморья, которые можно связывать с культурой кельтов²⁴. Совсем не исключено, что их смутили те особенности щита, о которых говорилось выше (размеры, материал изготовления и отсутствие некоторых характерных деталей внешнего оформления). Что касается изображений кельтских щитов, то наиболее ранние из них на Боспоре встречаются на монетах Левкона II, обычно датируемых второй–третьей четвертями III в. до н.э.²⁵ На боспорских надгробиях такие изображения

²¹ I. M. Stead, *Many More Iron Age Shields from Britain*, „The Antiquaries Journal” 1991, Vol. LXXI, с. 5.

²² Там же, с. 23.

²³ Там же.

²⁴ Ю. В. Кухаренко, *Распространение латинских вещей по территории Восточной Европы*, „Советская археология” 1959, № 1; М. Ю. Грейстер, *Кельты у Північному Причорномор'ї*, „Археологія” 1992, № 2; М. Б. Щукин, *На рубеже эр*, Санкт Петербург 1994, с. 95–101; M. Ju. Treister, *The Celts in the North Pontic Area: a reassessment*, „Antiquity” 1993, Vol. LXVII, № 257; Н. Shchukin, *The Celts in Eastern Europe*, „Oxford Journal of Archaeology” 1995, Vol. XIV, № 2; Z. Woźniak, *Die östliche Randzone der Laten Kultur*, „Germania” 1976, Bd. LIV, H. 2.

²⁵ А. Н. Зограф, *Античные монеты*, „Материалы и исследования по археологии СССР” 1951, № 16, с. 182; Н. И. Сокольский, *О боспорских...*, с. 16; Д. Б. Шелов,

появляются с конца III в. до н.э.²⁶, а на терракотовых статуэтках – во II в. до н.э.²⁷ Все эти факты позволяют предполагать существование непосредственных контактов между Боспорским государством и кельтами в III–II вв. до н.э., вероятно выразившихся в привлечении сюда кельтских наемных отрядов²⁸. В связи с изложенным очень важное значение приобретает вопрос о датировке погребения воина у Карантинного шоссе, а он, как представляется, достаточно непрост.

Как уже отмечалось, исследователи XIX в. датировали комплекс концом IV в. до н.э. Позднее дата стала постепенно омолаживаться, Д. З. Рабинович относил погребение к началу III в. до н.э.²⁹, В. Д. Блаватский расширил датировку в пределах всего III в. до н.э.³⁰ и, наконец, З. А. Билимович отодвинула ее до третьей четверти II в. до н.э.³¹ Последняя хронологическая атрибуция представляется весьма сомнительной. З. А. Билимович считала, что статер, обнаруженный в погребении у Карантинного шоссе, относится к посмертной серии лисимаховской чеканки. Ссылаясь на разработку М. И. Максимовой по Артюховскому кургану, она датировала статер, а вслед за этим и все погребение третьей четвертью II в. до н.э.³² Сразу следует подчеркнуть, что М. И. Максимова датировала обозначенным временем не статер из Артюховского кургана, а весь этот памятник³³. Статер же Лисимаха оттуда она сначала относила к концу III – первой половине II вв. до н.э.³⁴, позднее повысив датировку приблизительно до середины столетия³⁵.

В отношении группы погребений у Карантинного шоссе с богатыми наборами серебряной посуды М. И. Максимова указывала, что они

Денежная реформа Левкона II, „Вестник древней истории“ 1953, № 1; Д. Б. Шелов, *Монетное дело Боспор VI–II вв. до н.э.*, Москва 1956, с. 153; М. Ю. Трейстер, *Кельты у Північному...*, с. 37–39; M. Ju. Treister, *The Celts in the North Pontic Area: a reassessment*, „Antiquity“ 1993, Vol. LXVII, № 257, с. 789–791.

²⁶ В. П. Толстикова, *Надгробие воина...*, с. 85.

²⁷ В. И. Пругло, *Позднелллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов*, [в:] *Культура античного мира*, Москва 1966.

²⁸ Д. Б. Шелов, *Денежная реформа...*, 30 сл.; В. И. Пругло, *Позднелллинистические боспорские...*, с. 210; М. Ю. Трейстер, *Кельты у Північному...*, с. 39; M. Ju. Treister, *The Celts...*, с. 791.

²⁹ Б. З. Рабинович, *Шлемы скифского...*, с. 152.

³⁰ В. Д. Блаватский, *Очерки военного дела...*, с. 83–84.

³¹ З. А. Билимович, *Греческие бронзовые зеркала...*, с. 53, 66.

³² Там же, с. 53.

³³ М. И. Максимова, *О дате Артюховского кургана*, „Советская археология“ 1960, № 3, с. 57; М. И. Максимова, *Еще раз о дате Артюховского кургана*, „Советская археология“ 1967, № 2, с. 241–242.

³⁴ М. И. Максимова, *О дате Артюховского...*, с. 49.

³⁵ М. И. Максимова, *Еще раз о дате...*, с. 242.

содержали статеры не посмертной, а прижизненной чеканки Лисимаха, и датировала эти памятники вообще и комплекс 1834 г. в частности первой половиной, а может быть и первой третью III в. до н.э.³⁶ Одна из крупных заслуг выдающейся исследовательницы перед наукой о северопричерноморских древностях заключается в ее разработке хронологической схемы развития греческого столового серебра, выделении в особую серию находок у Карантинного шоссе³⁷. Предложенные ею датировки не изменились до сих пор: серебряный амфориск с цепочкой из рассматриваемой гробницы датируется началом III в. до н.э.³⁸, серебряный черпак – первой четвертью III в. до н.э.³⁹ Бронзовое зеркало с изображением Диониса и Ариадны, по заключению З. А. Билимович, следует датировать III в. до н.э., хотя изготовлено оно еще в традициях IV в. до н.э.⁴⁰ Шлем, очевидно, тоже следует датировать в пределах III в. до н.э.⁴¹ Так что предложенная М. И. Максимовой хронологическая атрибуция погребений Карантинного шоссе первой половиной III в. до н.э. вполне приемлема, хотя в отношении гробницы 1834 г., возможно, будет оправданно приблизить ее к середине столетия. Такому предположению не противоречат и другие находки, к примеру, чернолаковая пелика с каннелированным туловом (см. рис. 1, 1). Приведенные соображения позволяют высказать, на мой взгляд, одно важное заключение, – рассматриваемый археологический комплекс по времени очень близок выпуску монет царя Левкона II, на которых, как уже отмечалось, было отчеканено изображение кельтских щитов, а, может быть, и кельтских кинжалов с псевдоантропоморфной рукоятью⁴².

Все изложенное выше приобретает особое значение, поскольку сравнительно недавно для керченской гробницы появилась хорошая аналогия, это погребение, открытое в кургане у д. Продроми в Эпире⁴³. Данный комплекс был обнаружен случайно при дорожных работах и, разумеется, в немалой степени пострадал, однако общий его облик восстанавливается достаточно отчетливо. Твердо установлено, что в кургане у д. Продроми была выявлена гробница, сложенная из

³⁶ М. И. Максимова, *Артюховский курган*, Ленинград 1979, с. 72.

³⁷ Там же, с. 72–76.

³⁸ *Античное художественное серебро. Каталог выставки*, Ленинград 1985, с. 29, № 27.

³⁹ Там же, с. 29, № 28.

⁴⁰ З. А. Билимович, *Греческие бронзовые зеркала...*, с. 53.

⁴¹ P. Connolly, *Greece and Rome...*, с. 81, № 4.

⁴² См. М. Ю. Трейстер, *Кельты у Північному...*, с. 39; M. Ju. Treister, *The Celts...*, с. 790.

⁴³ A. Choremis, *Metallic armour from a tomb at Prodromi in Thesprotia*, „Athens Annals of Archaeology” 1980, № 13; D. Rakastinis, B. Otto, *Das Grab von Prodromi*, „Antice Welt” 1980, Vol. XI, 4.

каменных плит (рис. 2, 1). В ней находилась бронзовая гидрия с прахом погребенного, а также два железных шлема, очень похожих на керченскую находку, один из которых покрыт серебром (рис. 2, 2), железный меч типа махайры (рис. 2, 3) и хорошо сохранившийся железный панцирь типа мускульной кирасы (рис. 2, 4).

Этот комплекс, безусловно имеющий очень большое значение для изучения древнегреческого вооружения, датируют по-разному. К примеру, его относили к третьей четверти IV в. до н.э.⁴⁴, явно удревяня сделанные здесь находки. Скорее всего, курган у д. Продроми следует датировать более поздним временем. Д. Ракатсанис и Б. Отто считают его погребением представителя социальной верхушки Эпира, который жил и умер при знаменитом царе Пирре⁴⁵, что представляется вполне вероятным. Поскольку, как хорошо известно, Пирр погиб при штурме Аргоса в 272 г. до н.э., то захоронение у д. Продроми можно датировать в пределах первой трети III в. до н.э. и считать два рассматриваемых комплекса (керченский и эфирский) либо практически синхронными, либо, что более вероятно, первый из них признать несколько более поздним.

Близок обряд этих захоронений, и там, и здесь открыты урновые трупосожжения в каменных ящиках под курганными насыпями. Оба погребения бесспорно являются воинскими. Наступательное вооружение в обоих случаях представлено махайрой, а оборонительное – весьма схожими шлемами, мускульной кирасой в Продроми и овальным щитом под Керчью. В погребении у Карантинного шоссе, как отмечалось выше, было обнаружено несколько серебряных сосудов, но определенный интерес к предметам торевтики демонстрирует и комплекс в Эпире, несмотря на случайность его обнаружения и вполне вероятную неполноту, здесь все-таки находилась художественная бронзовая гидрия, служившая, правда, урной для праха.

Явная культурная и хронологическая близость данных памятников, разделенных столь большим пространством, позволяет, на мой взгляд, высказать одно важное предположение. Погребенные здесь воины являлись наемниками, этими античными „солдатами удачи”, готовыми сражаться за деньги где угодно и за кого угодно – в Эпире, на Боспоре и в любом другом месте. Можно даже предположить или, скорей, высказать догадку, что воин, гробница которого была открыта у Карантинного шоссе, происходил из Эпира, точнее, какое-то время сражался в войсках эпиротов, а состав этих войск, конечно, был интернациональным. Вряд ли стоит доказывать то положение, что

⁴⁴ A. Choremis, *Metallic armour...*, с. 18.

⁴⁵ D. Rakastinis, B. Otto, *Das Grab...*, с. 57.

наемники во все времена и у всех народов создают свою, весьма своеобразную субкультуру как в плане материальном, так и социально-психологическом. Разумеется, и в среде греческих наемников была выработана своя шкала ценностей, по которой какой-то образ поведения считался, так сказать, идеальным, обладание каким-то типами вооружения и прочими дорогими предметами (серебряная посуда и т.п.) представлялось особо престижным и социально значимым. Войско царя молоссов Пирра в этом отношении, надо думать, давало весьма благодатную почву, и процессы стандартизации воинской субкультуры, выработки моды на особо престижные предметы и т.д. шли здесь очень активно.

В свете изложенного, вероятно, станет более понятным факт наличия в гробнице у Карантинного шоссе бронзового овального щита, близкого, как представляется, к кельтскому типу. В плане контактов Пирра с кельтами-галатами часто вспоминается его победа 274 г. до н.э. над Антигоном Гонатом, в войсках которого был отряд галатов. Захваченные тогда „длинные щиты” кельтов были посвящены в храм Афины Итонии (Plut., Pyrr. 26; Paus. 1, 13. 2)⁴⁶. Однако эти контакты отнюдь не ограничивались знаменитым сражением, они были значительно разнообразней и сложнее⁴⁷. Плутарх свидетельствует, что после возвращения царя молоссов из Италии, когда его войско насчитывало всего 8 тыс. пехоты и 500 всадников, к нему сразу, еще до битвы с Антигоном, присоединились некоторые из галатов (Plut., Pyrr. 26). После этого отряды галатов упоминаются в эпизодах почти всех боевых акций Пирра, включая и несчастный для него штурм Аргоса (см. Plut., Pyrr. 26, 28, 29, 32). Следует отметить и то, что галаты находились на службе у эпиротов позднее рассматриваемого времени (Polyb. II, 5, 4). Об этих связях свидетельствуют также некоторые археологические материалы⁴⁸. Сказанного, на мой взгляд, вполне достаточно, чтобы предполагать немалую популярность кельтских контингентов в войске молоссов. После смерти Пирра его наемники, конечно, нашли новых хозяев, и, очевидно, часть этих „солдат удачи”, в состав которой входили и галаты, попала на Боспор. Именно тогда кельтские щиты были запечатлены на монетах Левкона II, а медный овальный щит, вероятно имевший ритуальное значение, был помещен в могилу одного из руководителей этого отряда наемников. Разумеется,

⁴⁶ См. Г. Бенгтсон, *Правители эллинизма*, Москва 1982, с. 133.

⁴⁷ См. D. Kienast, *Pyrrhos, Realencyclopädie der classischen*, Bd. XXIV, Pauly-Wissowa-Kroll, с. 156.

⁴⁸ I. V. S. Megaw, *Two Finds of the Celtic Iron Age from Dodona*, [в:] *Liber Iosepho Kostrzewski octogenario a veneratoribus dicatus*, Wrocław 1968.

кельтское происхождение знатного воина, погребенного у Карантинного шоссе, предполагать отнюдь не обязательно.

Хочется обратить внимание еще на одно обстоятельство, – в серии ранних боспорских терракотовых статуэток, изображающих галатов, представлен тип воина, опирающегося на большой овальный щит и облаченного в панцирь типа мускульной кирасы⁴⁹. Учитывая находку у д. Продроми, представляется возможным высказать догадку, что в рассматриваемом контексте этот панцирь мог появиться на севере Балкан, где в войсках Пирра тесно переплетались греческие, македонские, кельтские и пр. традиции. В отношении боспорских терракот исследователи достаточно резонно указывают, что они создавались, так сказать, с натуры, то есть короoplastы видели воинов-галатов в мускульных кирасах и с овальными щитами⁵⁰.

Однако, не гипотетические эпиро-кельто-боспорские связи прежде всего должны привлекать наше внимание. Хочется еще раз подчеркнуть главное, – в гробнице у Карантинного шоссе, всего скорей, был погребен наемник. Ю. Г. Виноградов обоснованно полагает, что уже в IV в. до н.э. не имеется никаких данных о наличии на Боспоре гражданского ополчения, ранние Спартокиды использовали воинские контингенты, состоявшие из наемников и варваров⁵¹. Иными словами, эти контингенты были разноэтничными, а внутри моноэтничных групп, к примеру, греческих, они явно были гетерогенными, то есть происходили из различных государств. Так, судя по сообщению Диодора Сицилийского (XX, 22), известно, что в войске Сатира, одного из сыновей Перисада I, вступивших в борьбу за власть в 310/9 г. до н.э., было 2 тыс. греческих наемников и столько же фракийских. О том же свидетельствуют и некоторые эпиграфические материалы. Среди них – надгробие первой половины IV в. до н.э., принадлежащее пафлагонцу, который погиб, „сражаясь в земле маитов (меотов)”⁵². Иногда считается, что декрет в честь Левкона I⁵³ был принят аркадскими наемниками⁵⁴.

⁴⁹ В. И. Пругло, *Позднеэллинистические боспорские...*, с. 205; В. П. Толстикова, *Надгробие воина...*, с. 86.

⁵⁰ В. И. Пругло, *Позднеэллинистические боспорские...*, с. 208; В. П. Толстикова, *Надгробие воина...*, с. 86; М. Shchukin, *The Celts...*, с. 218.

⁵¹ Ю. Г. Виноградов, *Фанагорийские наемники*, „Вестник древней истории” 1991, № 4, с. 29.

⁵² *Корпус боспорских надписей*, Москва–Ленинград 1965, с. 180.

⁵³ Там же, с. 37.

⁵⁴ В. Д. Блаватский, *Очерки военного дела...*, с. 71; Н. И. Соколовский, *К вопросу о наемниках на Боспоре в IV–III вв. до н.э.*, „Советская археология” 1958, вып. 28, с. 300–301, но ср. В. Ю. Гайдукевич, *Боспор и Аркадия*, „Записки Одесского археологического общества” 1960, Т. I, вып. 34, с. 107; В. П. Яйленко, *Одна боспорская эпитафия*, [в:] *Проблемы античной культуры*, Москва 1986, с. 224–225.

В. П. Яйленко относит к надгробиям наемников эпитафии сиракузянина⁵⁵, киприота⁵⁶, хиосца⁵⁷ и некоторые другие⁵⁸.

В подтверждение обозначенной точки зрения, как я пытался показать, сейчас можно привести и археологические данные, которые в немалой степени расширяют наши знания о наемниках на службе у боспорских царей. Значение погребения, открытого у Карантинного шоссе в 1834 г., в этом отношении трудно переоценить. В связи с изложенным хотелось бы также призвать специалистов по античной истории Себерного Причерноморья к более внимательному и уважительному отношению к исследованиям, далеких предшественников, которые отнюдь не всегда имеют, так сказать, историографическое значение. Многие из них в свете результатов современных археологических раскопок приобретают новое, порой неожиданное звучание.

Jurij A. Winogradow

О ПОХОЎКУ ВОЈОВНИКА В ПОБЛИЖУ КЕРЦУ

W 1834 r. w pobliżu drogi prowadzącej do miejscowości Nowy Karantin, niedaleko Kerczu, w trakcie archeologicznych wykopalisk odkryto bardzo interesujący zabytek. Pod kurhanem znaleziono grobowiec składający się z kamiennych płyt, który zawierał dwie urny z prochami, żelazy hełm ze srebrnymi ozdobami, tarczę wykonaną z brązu, żelazny miecz, komplet srebrnych naczyń oraz inne przedmioty. Na podstawie analizy tych obiektów, a w szczególności znalezionej monety Lizymacha, autorzy pierwszych publikacji poświęconych temu znalezisku określili datę powstania zabytku na koniec IV w. p.n.e., a mianowicie na okres panowania króla bosporańskiego Pairisadesa I (349–310 r. p.n.e.) lub na późniejszy okres czasu – 306 r. p.n.e. Na szczególną uwagę zasługują wnioski dziewiętnastowiecznych badaczy świadczące, że był to pochówek wojownika.

Współcześni archeolodzy zwrócili uwagę na istniejące związki między królestwem bosporańskim a starożytnymi plemionami celtyckimi. Analiza znalezionej tarczy, która – jak sądzą naukowcy – była wykorzystywana do celów obrzędowych przez Galatów, świadczyć może o istnieniu w wojskach królestwa bosporańskiego najmniejszych formacji składających się z Celtów. Wywołało to polemikę na temat określenia czasu pochówku wojownika w pobliżu Kerczu. Dzisiejszy poziom wiedzy odnośnie do opisywanego znaleziska oraz niektóre fakty świadczące o rozpowszechnieniu uzbrojenia i innych przedmiotów pozwalają przypuszczać, że całość archeologicznego znaleziska chronologicznie zbliżona jest do czasu emisji monet Leukona I, na których, jak wskazują badania, wytłoczone były najwcześniejsze ze znanych dzisiaj rysunków tarcz celtyckich.

⁵⁵ Корпус боспорских надписей, Москва–Ленинград 1965, с. 203.

⁵⁶ Там же, с. 236.

⁵⁷ Там же, с. 1233.

⁵⁸ В. П. Яйленко, *Ольвия и Боспор в эпоху эллинизма*, [в:] *Эллинизм: экономика, политика, культура*, Москва 1990, с. 293, 303.

Podobne znaczenie dla zbadania obronnego i zaczepnego uzbrojenia starożytnej Grecji miało znalezisko odkryte stosunkowo niedawno w kurhanie koło wsi Podromi w Epirze (Ipiros). Pochówek składający się z kamiennych płyt zawierał gidrie z prochami, dwa srebrne helmy, żelazny miecz i dobrze zachowany pancerz. Naukowcy wskazali na wyraźne kulturowe i chronologiczne podobieństwo obydwu znalezisk. Ten fakt pozwolił wysunąć hipotezę, że pochowani wojownicy przypuszczalnie byli najemnikami, starożytnymi żołnierzami „legii cudzoziemskiej”. Oczywistym jest fakt, że najemnicy zawsze i wszędzie tworzą swoją odrębną strukturę, w której własny system wartości, sposób bycia i posiadania drogich przedmiotów nadaje rangę, status i prestiż społeczny. Fakt znalezienia tak cennych przedmiotów potwierdza hipotezę badaczy o pochówku najemnego wojownika wyższego rangą. J. G. Winogradow zakłada, że od IV w. p.n.e. nie znaleziono żadnych źródeł świadczących o istnieniu obywatelskich ochotniczych oddziałów w królestwie bosporańskim, co oznacza, że dynastia Spartokidów wykorzystywała wojskowe formacje, składające się przeważnie z najemników i barbarzyńców, wywodzących się z różnych państw i narodów.

W związku z powyższym, ważność znaleziska archeologicznego niedaleko Kreczu jest nieoceniona dla poznania i rozszerzenia naszych wyobrażeń o najemnikach w królestwie bosporańskim. W świetle współczesnych wyników badań archeologicznych warto powrócić do istniejących materiałów, bowiem mają one znaczenie nie tylko historiograficzne.